

МЕТАФОРА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕДИАСОБЫТИЙ В СМИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Баташева Анна Александровна
Соискатель,
МГУ им. М. В. Ломоносова

METAPHOR AS A LINGUISTIC METHOD OF MEDIA-EVENTS' INTERPRETATION IN THE MEDIA OF RUSSIA AND GERMANY

A. Batasheva

Annotation

The essence of metaphor is considered as a way of interpreting events covered in the media. It is proved that the theoretical basis of the base being created is the cognitive theory of metaphor, which treats the metaphor as a way of understanding the essence of some type in terms of concepts related to essences of another, simpler, basic type. The analysis of cognitive metaphors in the interpretation of media events in the media of Russia and Germany allows us to approach the solution of questions about the complex interaction of political thinking, language and culture both in the theoretical and in the practical dimension of linguocultural research.

Keywords: interpretation, interpretational stylistics, metaphor, media event, linguistic methods of interpretation.

Аннотация

В статье рассматривается метафора как способ интерпретации событий, освещаемых в средствах массовой информации. Доказывается, что теоретической основой создаваемой базы служит когнитивная теория метафоры, рассматривающих метафору как способ осмысления сущности некоторого типа в терминах понятий, относящихся к сущностям другого, более простого, базового типа. Анализ когнитивных метафор в интерпретации медиасобытий в СМИ России и Германии позволяет приблизиться к решению вопросов о сложном взаимодействии политического мышления, языка и культуры как в теоретическом, так и в практическом измерении лингвокультурологических изысканий.

Ключевые слова:

Интерпретация, интерпретационная стилистика, метафора, медиасобытие, лингвистические способы интерпретации.

ВВЕДЕНИЕ

Метафоры занимают большую долю слов, оборотов и выражений в нашей речи. Они играют важную роль в языке, пополняя недостаток слов для обозначения новых и заимствованных с иностранного языка понятий, что особенно важно для лингвистики. Впервые термин "метафора" ввел Аристотель. Он дал ему определение: "Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии". По мнению Аристотеля, метафора дает право "говоря о действительном, соединять с ним невозможное".

А.Н. Баранов рассматривает метафору с точки зрения когнитивной теории [2] как "сложный когнитивный феномен, возникающий в результате взаимодействия двух смысловых комплексов – содержания (фокуса) источника и оболочки (фрейма) цели" [А.Н. Баранов, Очерк когнитивной теории метафоры]. Свое исследование он проводил, опираясь на терминологию М. Блека, который "фокусом" ("focus") называет слово в лингвистическом выражении, используемое в переносном смысле, т.е. метафо-

рически. А "рамой" ("frame") слова или словосочетания окружающие "фокус", употребляемые в обычном смысле [3].

В названной парадигме исследователь нацелен на то, чтобы выяснить, каким образом может удовлетворять изучаемое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям. Интересны связи с внутренней, ментальной деятельностью человеческого сознания, и когда внимание сосредоточено на том, как используется изучаемое явление в процессе общения людей.

В когнитивном аспекте внимание сосредотачивается на метафоре как ментальном феномене. При дискурсивном подходе наоборот, задача выявления взаимосвязи между метафорами и факторами, которые обусловили их востребованность. Когнитивные метафоры рассматриваются как статический коррелят национального сознания, а также как индикатор преобразования социально-политической ситуации.

С точки зрения современной когнитологии метафора рассматривается как "ментальная операция над концептуальными структурами (фреймами, концептами, сцена-

риями и слотами], заключающаяся в проекции знаний из одной понятийной области в другую" [4]. Т.е. Метафора – это способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира и картины мира.

В основу современной когнитивной теории метафоры положены работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [14], в которых авторы определили, что метафора не ограничивается сферой языка, так как познавательные процессы, в большей степени мышления человека, в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в других психических процессах.

Истории возникновения и развития интересного, действенного и динамичных направления современной лингвистики – политической метафорологии уделяли ученые Будаев Э.В., Чудинов А.П. [4].

По их мнению, использование метафор нередко оказывается для политического лидера удачным способом "выразить многое, сказав немного" [4], умело влиять на чувства и их непосредственное выражение – эмоции в обществе, представлять обществу новые идеи и одновременно ими заинтересовывать.

Встает вопрос о том, какие виды метафор чаще используются в СМИ. Ученый лингвист О.С. Ахманова делит метафоры на пять видов: метафора гиперболическая, лексическая, ломаная, последовательная, поэтическая [1, с.231]. Б.Н. Томашевский разделяет метафоры на языковые и стилистические [10]. Ю.С. Язикова выделяет два типа метафор: метафоры языка и метафоры стиля, подразделяет их на языковые и генетические [13, с.154]. Классификация метафор А.В. Калинина имеет опору на фундаментальные исследования, фиксирующие языковую образность – это словари. А.В. Калинин делит метафоры на три группы по степени их употребительности [6, с.28].

То, что в настоящее время все больше используется метафор в социальной коммуникации, в СМИ, может констатировать факт об изменении направления движения политического сознания народа и неизбежных изменениях в жизни и развитии.

В XX–XXI веке происходили и происходят значительные изменения в информационном пространстве. Появление новых средств массовой коммуникации позволяет большей части населения планеты оперативно получать информацию о происходящих событиях. Человек получил практически неограниченные возможности познания окружающего мира, а разнообразие источников информационного поля позволяет услышать разные точки зрения, составить гораздо более полное представление о том или ином политическом или мировом событии. Однако, не-

смотря на расширяющиеся возможности информатизации, человек продолжает оставаться объектом пропаганды, подвергается информационному воздействию посредством СМИ.

В связи с этим целью исследования является анализ лингвистического способа интерпретации медиасобытий в СМИ России и Германии, используя метафору.

Решались следующие задачи:

1. Проведен сравнительный анализ метафор, используемых журналистами при интерпретации одних и тех же событий (связанных с войной в Сирии) – в российской газете "Коммерсант" и немецкой "Die Zeit".
2. Рассмотрена ментальность народа как универсальная "подоснова" его психологии, формирующая "картину мира" [12].
3. Обоснован стилистический подход, который предполагает изучение функционирования текста и его единиц – сложных синтаксических целей.
4. Выявлены параллельные анафорические связи, которые широко используются в публицистике, благодаря их эмоциональному экспрессивному характеру.

Методика исследования и исследуемый материал

Анализировались материалы СМИ: статья Александровой-Джорджевич и Ивана Сафронова "Военные самолеты нашли общую цель" от 17 января 2017 г. [15]; статья Ильи Барабанова "Еще четверо российских военных погибли в Сирии", от 20 февраля 2017 г. [16]; статья Александры Джорджевич, Ивана Сафронова "Мир в Сирии отводил себе не много земли" от 06 мая 2017 г. [17]; статья "200 Anti-IS-Kämpfer stammen aus Deutschland" ("200 борцов Anti IS происходят из Германии") от 10 апреля 2017 г. [18]; статья "Der Preis der Befreiung" ("Цена освобождения") от 20 марта 2017 г. [19]; статья "Krieg in Syrien" ("Война в Сирии") от 07 апреля 2017 г. [20]

Методы исследования: анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. Метод разработан и предложен Л.Н. Федотовой [11]. Этот метод является наиболее эффективным для анализа информации, содержащейся на страницах газет. Анализировалось текстовое наполнение и новостные передачи, передаваемые при помощи метафор.

По мнению Л. С. Салемгареевой [9] общественное мнение как форма массового сознания существует почти во всех сферах жизнедеятельности общества, однако осваивается не по любому поводу и тематике. В поле зрения общественного мнения попадают, чаще всего, те проблемы, факты и их аргументация, те события, которые актуальны, и вызывают общественный интерес. Например,

война в Сирии. Как правило, допускается многозначное толкование происходящего разными СМИ, а возможность проводить дискуссии на затрагиваемые темы ограничивается.

В.О. Попова, Е.А. Балезина [8], изучающие влияние СМИ на общественное мнение, доказывают, что любые средства массовой информации представляют собой инструмент манипулирования и навязывания определенного отношения к различным событиям, изменяют общественное сознание и формируют общественное мнение. И это зачастую является трансляцией стереотипов.

Теоретической основой создаваемой базы для формирования общественного мнения служит когнитивная теория метафоры Лакоффа и Джонсона, которые рассматривают метафору как способ осмысления сущности некоторого типа.

Метафора олицетворения в теории метафоры может характеризоваться как базисная, лежащая в основе при-сущего человеку способа постижения картины мира [3, с.35]. С лингвистической точки зрения такая метафора проявляется в сочетании предикатов и модификаторов, обозначающих признаки человека, другим типам сущностей или признаки мира – различных типам агрессивных действий.

Проведем анализ описания событий в Сирии журналистами России и Германии. Заголовок статьи газеты "Коммерсант" звучит так: "Военные самолеты нашли общую цель". Цитата из статьи: "По словам источника "Ъ" в органах военного управления, в ходе первого этапа операции удалось уничтожить значительное количество живой силы и скоплений тяжелой техники противника" [15]. Очевидно, что операция осуществлялась каждым из членов военной организации, всеми вместе, а также релевантным в данном контексте подмножеством ее членов, уполномоченным выполнять соответствующие военные действия. Таким образом, здесь происходит метонимический сдвиг в семантике имени военного органа: вместо целого оно обозначает часть, обычно руководящую этим целым. Какого-либо уподобления воинской части частному лицу здесь не ощущается, метафора персонификации отсутствует. Подобных сочетаний метонимических употреблений с частными предикатами много, но мы ограничимся одним примером: "Напомним, что активные бои в районе Эль-Баба являются частью операции "Щит Евфрата", которую турецкая армия начала 24 августа 2016 года на севере Сирии. За это время турецким военным и бойцам Свободной сирийской армии удалось выбить исламистов из нескольких пунктов, в том числе из пограничного с Турцией города Джараблус" [15]. Частные предикаты, поскольку субъектом подобного действия и ментального состояния может быть отдельное лицо в виде президента Турции, отдавшего приказ на проведе-

ние операции. Однако здесь не возникает предикатной метафоры персонификации, поскольку то же самое можно сказать и о той группе лиц в структурах власти России и Турции, которые определяют внешнюю политику в отношении Сирии. Эти группы просто метонимически обозначены как Россия и Турция, что позволяет автору статьи кратко выразить свою мысль. Предикаты при этом дают прямое описание политических действий и их мотивов.

Следующий пример – цитата из газеты "Die Zeit": "200 Anti-IS-Kämpfer stammen aus Deutschland" ("200 борцов Anti IS происходят из Германии" [18]. "Die Linken-Abgeordnete Ulla Jelpke kritisierte diese Haltung. Dass der Generalbundesanwalt keine Ermittlungen in dem Fall aufgenommen habe, sei skandalös. "Ich kann mir dieses Verhalten nur als Geschenk an die Türkei erklären", sagte Jelpke. Die Bundesregierung rat dringend davon ab, in die Kampfgebiete im Irak oder Syrien zu reisen" (Левый депутат Улла Джелпк критиковал эту позицию. То, что генеральный прокурор не получил никакого расследования о случае скандала. "Я могу объяснить такое поведение только как подарок Турции", сказал Jelpke. Федеральное правительство настоятельно рекомендует им ездить в зоны боевых действий в Ираке и Сирии").

Его значением, конечно, не может быть ложное утверждение о том, что "генеральный прокурор не получил никакого расследования о случае скандала", левый депутат критиковал позицию России и Турции. В отличие от предыдущего примера, не проходит и интерпретация типа "Релевантное подмножество лиц из Германии", в функции которого это не входит, рекомендует "ездить в зоны боевых действий в Ирак и Сирию", потому что нет такого подмножества. Вот в таких случаях мы и имеем дело с метафорой персонификации.

Если применить способ экспликации метафор, предложенный А. Вежбицкой [5, с144–145], то смыслом будет следующее: "Германия бездействует, что является подарком для Турции, а значит и для России". Можно сказать, что это не страна (Турция), а человек, который увлечен помощью Сирии.

В политическом дискурсе о войне в Сирии метафора выполняет эвристическую функцию, служа средством осмысления постоянно меняющейся военной реальности и формулирования новых политических программ со стороны Америки и Европы. Выполняя функцию аргументативную, метафора служит средством убеждения читателей в правильности тех или иных политических взглядов. Благодаря своей фигуральности, переносному смыслу, она выполняет прагматическую интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы в отношении войны в Сирии, минимизируя ответственность пишущего за возможную буквальную интерпрета-

цию его слов адресатом. С учетом того, что метафора в политическом дискурсе всегда апеллирует к фонду общих знаний, она тем самым создает у партнеров по коммуникативному взаимодействию общую платформу, опираясь на которую субъект невербальной речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения. Очевидно, что в газетных статьях о политике и войне метафора может служить средством украшения и активизации внимания читателей.

Рассмотрим следующий пример. Статья в газете "Коммерсант" под заголовком "Еще четверо российских военных погибли в Сирии". Автор пишет: "Как рассказали "Ъ" родственники военнослужащего, он служил в разведке и попал под пулеметный огонь противника во время выезда на очередное задание. Автомобильная колонна сирийских войск, в которой следовал автомобиль с российскими военными советниками, следовала из района аэродрома Тияс в направлении города Хомс".

В метафорической картине российских СМИ действительность в Сирии представляется как ведущаяся на нескольких фронтах война: война плакатов (в США, Европе); информационная война (через средства массовой коммуникации); идеологическая война (за независимость), листовочная война (разброс листовок в Сирии, запугивание). К рассматриваемому фрейму относятся номинации пулеметный огонь, разведка, военные советники.

Аналогичные метафоры типичны и для немецкой газеты "Die Zeit". В статье "Der Preis der Befreiung" ("Цена освобождения"). Немецкий текст "Doch die mehr als 40 Toten waren keine Terroristen, sondern Zivilisten, die sich zum Gebet versammelt hatten. "Ein Massaker." So lautet der Kommentar der Syrischen Beobachtungsstelle für Menschenrechte, die noch bis vor wenigen Monaten vor allem damit beschäftigt war, die zivilen Opfer russischer Luftangriffe zu zählen. Syrische Katastrophenhelfer, besser bekannt unter dem Namen Weiße Helme, hatten da in Al-Jineh bereits die Leichen mehrerer Kinder aus den Trümmern geborgen" [19].

В переводе мы получаем: "Но более 40 мертвых не были террористами, это были гражданские лица, которые собрались для молитвы. "Резня". Это комментарий Сирийской обсерватории по правам человека, который работал до нескольких месяцев, особенно для подсчета гражданских жертв российских воздушных ударов. Работники сирийской помощи, более известные как белые каски достали нескольких тел детей из руин в Аль-Джихе". Когнитивная метафора содержится непосредственно в заголовке статьи. Лаконично описывая происшедшее, акцентируя внимание на невинных жертвах воздушных ударов с помощью одного яркого сравнения ситуации в Сирии с человеческими страданиями, жертвами среди

детей, автор создает компрессию событий, обвиняя во всем Россию.

Следующая цитата из этой же статьи: "Nun gibt es einen entscheidenden Unterschied: Das russische Militär hatte ebenso wie das Assad-Regime die Zivilisten in Aleppo zu Unterstützern von "Terroristen" erklärt. Dazu zählt es allerdings sämtliche oppositionellen Gruppen. Angriffe auf Schulen, Märkte und Krankenhäuser gehörten ausdrücklich zur Strategie, um oppositionelle Gebiete wieder unter die Kontrolle des syrischen Regimes zu bringen. Allein in Ost-Aleppo starben dabei mehrere Tausend Menschen". Фразы "starben dabei mehrere Tausend Menschen" (...в то время как умерло несколько тысяч человек); "...Angriffe auf Schulen, Märkte und Krankenhäuser gehörten ausdrücklich zur Strategie..." (...Нападения на школы, рынки и больницы были четкой стратегией...) [19].

Несомненно, здесь представлены идиоматические способы выражения чрезвычайно высокой степени переживания и осуждения Российских войск за смерть невинных людей. Но при этом присутствует главное когнитивное свойство метафоры, на котором и зиждется ее эвристическая функция, – есть соединение двух концептов, связанных между собой в базе знаний о мире. Действительно, каузальная связь между интенсивностью переживания за судьбы сирийских людей и испытываемыми при этом соматическими ощущениями (когда бомбят больницы и рынки), частичной потерей контроля и т. п. явлениями, некоторые из которых могут проявляться в виде наблюдаемых симптомов (например, ужас от прочитанного), входит в знания об эмоциональных состояниях человека. Точно так же голод как одна из известных причин смерти в Сирии из-за блокады преподносится как вина России. Именно поэтому высказывание содержит новый взгляд на переживания и сочувствия сирийскому народу со стороны немецких авторов и культивируется ненависть к России. Следствие и причина связаны метафорически. Анализ текста немецкого журналиста позволяет утверждать, что метафора является распространенным приемом интерпретации медиасобытий. В семантическом аспекте лингвокультурологический подход в данном случае помогает решать проблему выявления закономерностей метафорического моделирования картины мира в освящении событий Сирии различными журналистами.

Пример сопоставления интерпретации событий в Сирии газетами России и Германии рассмотрим также на основе статей газеты "Коммерсант" и "Die Zeit" [17], [20].

Статья в газете "Коммерсант" "Мир в Сирии отвоевал себе не много земли". Цитата: "По данным "Ъ", главным поводом для беспокойства российской стороны являются возможные провокации боевиков, стремящихся сорвать режим прекращения огня. Генерал Рудской вчера привел

пример город Дума (Восточная Гута), где в ходе пропуска гуманитарного конвоя через КПП на линии разграничения российскими военнослужащими был обезврежен террорист–смертник, имевший при себе 10 кг взрывчатки и гранаты".

В силу обоснованного в данном исследовании когнитивно–функционального подхода к метафоре, в базу включаются только такие гиперболы, в которых, как и в метафоре, присутствует уподобление двух когнитивно–далеких концептов: "мир в Сирии отвоевал себе земли", что может свидетельствовать о позитивном окончании войны. И противоположный концепт: "обезврежен террорист–смертник, имевший при себе 10 кг взрывчатки и гранаты", значит, война еще не окончена и нужно опасаться дальнейших военных действий. В обоих случаях возможности трактовки денотативной ситуации расширяются, чего нельзя встретить при метонимической связи понятий.

Отсюда вывод, метафорический анализ на примере конкретного, эмпирического газетного материала позволяет показать, какие структуры сознания доминируют в определенное время, в определенном государстве и определяют его политическое поведение.

Статья в немецкой газете "Die Zeit" под названием "Krieg in Syrien" от 7 апреля 2017 года излагает факты следующим образом: "Die syrische Regierung von Diktator Assad bombardiert die eigene Bevölkerung". ("Сирийское правительство диктатора Асада бомбило его собственный народ...") [20]. С помощью данного языкового средства, называя законно–избранного президента Сирии диктатором, журналист показывает личную оценку событий в Сирии, и, сравнивая две страны, представляет вниманию читателя образный ряд, несущий сильный негативный посыл, связанный с ужасами войны. Ужас истребления собственного народа.

В тоже время Коммерсант пишет о провокациях со стороны исламского государства, которое хочет сорвать режим прекращения огня. Взгляд на одну и ту же ситуацию разными журналистами идет через метафору персонификации. Метафору персонификации "общество – есть личность" мы признаем лишь в тех случаях, когда не проходит метонимическое осмысление сочетания частного предиката с термом, обозначающим "сообщество".

Метафорические модели в интерпретации медиасобытий служат индикатором состояния общественного сознания. В системе моделей отражается мировидение реальности независимо от желания и интенций читателей. Когнитивные метафоры являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка, будь то русский или немецкий язык. Многие из них укоренены в сознании людей настолько, что нередко не осознаются как мета-

форы. Это свойство метафор позволяет получать информацию о структурах сознания и восприятия картины мира, которую авторы хотели бы скрывать.

Как видно из следующей цитаты "Russland greift seit September 2015 in den Krieg ein und fliegt Luftangriffe – offiziell um den IS zu schwachen. Kritiker werfen Russland vor, die Angriffe galten moderaten Rebellengruppen, die Gegner des Assad–Regimes sind" [20].

(...нападения России с сентября 2015 года войны и наносящих воздушные удары – официально ослабить IS. Критики обвиняют Россию за нападения, применимые к умеренным повстанческим группам, противникам режима Асада").

В данной цитате семантических проверок на возможность метонимического осмысления можно не делать, когда при названии страны оказывается кванторное слово "Россия". В цитате слово "страна" не употребляется, а лишь название страны. Отсутствие персонификации "страны" и России в данном контексте ясно благодаря общему знанию, что "Россия – это страна" административно–территориальная единица и государство в целом, но не отдельные лица "наносит удары", а диатетический предикат показывает, что референтом является Россия, которая "нападает на противников Асада".

В статье "Zivilisten sterben bei Luftangriffen auf Rakka" ("Гражданские лица, убитые в воздушных налетах на Ракка") цитата: "Am dritten Tag der Offensive auf die nord-syrische Stadt Rakka sind offenbar wieder Zivilisten getötet worden. Die Bomben der US-geführten Militärkoalition hatten unter anderem ein Internetcafe getroffen, berichten Aktivisten. Sie sprechen von mindestens 17 Toten" ("На третий день наступления на северном сирийском городе Ракка были, по–видимому, снова убиты гражданские лица. Бомбы под руководством США военной коалиции встретились в интернет–кафе, в частности, сообщили активисты. Они говорят, по крайней мере, о 17 мертвых"). [20].

Из анализа текста видно, при формировании определенного интенционального значения в текстах о военных действиях в Сирии могут использоваться идеологемы, мифологемы и императивы с целью создания образа "врага" (России) в сознании народа. Такая мифологизированная картина мира с метафорическим сравнением замещает в сознании адресата реальность, детерминирует ментальные процессы коллективной интенциональности и предопределяет организацию нужного журналисту, политиком, на которых работают журналисты, поведения читателей: для Европы и Америки Россия – агрессор. Журналисты России же интерпретируют события в Сирии не с позиции наблюдателя, а с позиции участника событий, находясь в командировке в Сирии.

Лингвокультурологическое исследование военного дискурса основано преимущественно на анализе медийных текстов. Именно СМИ диктуют оценку военного события, и наиболее эффективно данная оценка реализуется в процессе освещения глобальных медиасобытий (бомбежки мирных жителей, террористические акты в местах скопления гражданского населения). Наиболее насыщен в метафорическом плане и значителен в тематическом плане сегмент дискурса военных действий в Сирии.

Анализируя тексты с метафорами, рассмотрена позиция, согласно которой метафору можно воспринимать как языковую и ментальную операцию, позволяющую представить элементы одной понятийной сферы в терминах другой, а также как ее результат. Такая лингвистическая операция основана на сходстве сравниваемых объектов и направлена на передачу информации более доступным способом с прибавлением к цели социокультурных смыслов и коннотаций сферы-источника референтной составляющей сферы.

Таким образом, исследование основывалось на когнитивном понимании метафоры как ментальной операции. Базовые метафоры являются ключевыми, задающими аналогии и ассоциации между различными системами понятий (война, завоевание, жертвы, агрессия России и др.) и порождающими более частные метафоры. Основанием для выделения базовых метафор становится построение структурированных метафорических моделей, образованных в результате проекции одной понятийной сферы на другую.

Отмечено, что метафора является высокочастотным лингвистическим приемом интерпретации медиасобытий. В немецкой прессе преобладают авторские когнитивные метафоры. Авторская оценка события преподносится как единственно правильная. Для российских авторов более актуальна отсылка к комментариям экспертов, содержащих метафоры и эпитеты, в которых содержится компрессия событий. Экспертные мнения при этом используются в качестве наиболее значимой аргументации при убеждении читателя.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что читатели качественной прессы в России и Германии получают различные интерпретации одних и тех же событий. Центральной и наиболее влиятельной метафорой газетного дискурса представляется военная. Существует точка зрения, согласно которой данная базовая метафора универсальна в СМИ. Конфликтогенность на политической арене объясняет широкую экспансию данной модели в медиа дискурс. Базовая метафора "Россия – это война", "Россия – это агрессор" в немецких СМИ является следствием интердискурсивного взаимодействия политического и военного дискурсов. Вербальная презентация

ключевых элементов журналистского дискурса в военных терминах обусловлена близостью сценариев войны реальной, политической и идеологической. Оппонент может быть представлен как враг, так как он стабилен, силен, способен защитить себя, а если он способен отстоять свою независимость, значит, может быть опасен. Поэтому военной лексикой насыщена характеристика действий Российских миротворцев в Сирии, которые защищают гражданское население и помогают законному правительству Сирии бороться с ИГИЛ.

Метафорическая модель "Россия – это созидание" функциональна для выражения нормативной и телеологической оценки созидательных и оборонительных действий российских военных, которые разминируют и восстанавливают разрушенные города Сирии. Эта метафора используется только в Российских СМИ, журналистами, снимающими репортажи в Сирии.

Напротив, немецкими СМИ такая метафорическая модель не отражена ни в одном источнике.

Использование метафоры в заголовке или подзаголовке направлено на организацию суперструктуры текста. Употребленная в сильной текстовой позиции заголовка, метафора передает макроструктуру статьи.

Подзаголовки маркируют тематическое деление, обозначают макропозиции – основные темы текста. "Цена освобождения" "Мир в Сирии отвоевал себе не много земли" "Zivilisten sterben bei Luftangriffen auf Rakka" ("Гражданские лица, убитые в воздушных налетах на Ракка"); "Syrien – Soldatinnen kämpfen gegen den IS" ("Сирия – солдат, воюющий против IS") и др. Перечисленные модели заголовков и подзаголовков являются наиболее влиятельными. При этом роль военной метафоры в данной позиции высока, что может быть обусловлено предсказуемостью ее использования, стереотипностью, что повышает эффективность заголовка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные представления об онтологическом и гносеологическом статусе метафоры как лингвистическом способе интерпретации медиасобытий в СМИ России и Германии не только открывают новые грани но и предоставляют широкие возможности для применения методологических эвристик когнитологии в междисциплинарном пространстве социальных и политических наук. С одной стороны, метафоры отражают национальное сознание (или бессознательное) и соответственно анализ метафор – это анализ концептосферы определенного сообщества. С другой – прагматический потенциал метафор сознательно используется в дискурсах для "переконцептуализации" картины мира адресата коммуникации.

В действительности метафорическое отражение журналистской картины мира и прагматически ориентированное конструирование метафорической модели действительности для достижения определенных целей диалектически взаимосвязаны, поэтому проблема метафоры неразрывно связана с решением вопросов, традиционно относящихся к области политики, лингвистики, психологии, культурологии, философии, истории, социологии и дискурса-анализа.

В свою очередь, анализ метафор позволяет приблизиться к решению вопросов о сложном взаимодействии политического и военного мышления, языка и культуры, как в теоретическом, так и в практическом измерении лингвокультурологических изысканий.

Нами исследованы лишь несколько из большого ряда семантических проблем создания базы данных по метафоре в военном и политическом дискурсе. В процессе исследования удалось показать, что получить объективную картину мира и состава используемых метафорических моделей, оценить степень их продуктивности можно только на основе выработки критериев метафоричности. Учитывая функции метафоры с использованием средств семантического анализа, включая не только когнитивно-семантическую теорию концептуальной метафоры, но и теорию референции, и типологию имплицитной информации, и теорию дискурса, сделан вывод о том, что не смотря на одинаковые освящения событий, но используя различные метафоры, читатель получает разную интерпретацию событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: ГосУчпедиз мин. просв. РСФСР, 1957. – 295 с.
2. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
3. Блэк Макс. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172. (Пер. М.А. Дмитриевской. статьи Max Black . Metaphor. – In: M. Black. Models and Metaphor. Studies in language and Philosophy. Ithaca– London, Cornell University Press, 1962, p. 25–47).
4. Будаев Э.В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2006. – № 1. – С. 88–92.
5. Вежицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1990.
6. Калинин А.В. Стилистические очерки. М.: Изд-во МГУ. 1979. – 195с.
7. Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста. – М.: Медиа-Мир, 2008. – 244 с.
8. Попова В.О., Балежина Е.А. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. №2 (22) 2015.
9. Салемгареева Л. С. СМИ и общественное сознание: влияние, проблемы, технологии манипулирования / Л. С. Салемгареева // Наука. Вестник электронных и печатных СМИ. – № 2. – 2013.
10. Томашевский Б.В. Стилистика. Учеб. пособ. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 288с.
11. Федотова Л.Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. – М.: Научный мир, 2001. – 214с.
12. Чернявская Ю. В. Народная культура и национальные традиции /Ю. В. Чернявская. – М., 1998. – 238 с
13. Язикова Ю.С. Анализ метафор стиля повести М. Горького "В людях". Уч. зап. Дальневосточного универ., вып.5., 1962. – 127с.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980; Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. – Cambridge, 1993.
15. <https://www.kommersant.ru/doc/3195700> от 19.01.2017г. (дата обращения 25 мая 2017 г).
16. <https://www.kommersant.ru/doc/3224784> от 20.02.2017 г. (дата обращения 26 мая 2017 г).
17. <https://www.kommersant.ru/doc/3292241> от 06.05.2017 (дата обращения 02 июня 2017).
18. <http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2017-04/syrien-irak-anti-is-kaempfer-deutschland> (дата обращения 02 июня 2017).
19. <http://www.zeit.de/politik/ausland/2017-03/us-armee-irak-syrien-kriegsfolgen-todesopfer-zivilisten> (дата обращения 04 июня 2017).
20. <http://www.zeit.de/thema/syrien> (дата обращения 05 июня 2017).

© А.А. Баташева, (Anna-pressa@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова